

Алая буква

Натаниэль Готорн

АЛАЯ БУКВА

ФТМ

УДК 82/821-821.161.1
ББК 84(0)
Г74

*Перевод с английского Нины Емельяниковой
и Эльги Линецкой*

Готорн, Н.

Г74 Алая буква / Н. Готорн; [пер. с англ. Н. Емельяниковой,
Э. Линецкой]. – М. : T8RUGRAM / Агентство ФТМ, 2018. – 342 с.

ISBN 978-5-521-74416-9

«Алая буква» — самый известный из романов признанного классика американской литературы конца XIX века Натаниэля Готорна. Он повествует о судьбе Эстер Принн, оказавшейся у позорного столба с незаконнорождённой дочерью на руках. Среди свидетелей публичного унижения муж Эстер и её соблазнитель — отец малышки. Их судьбы сошлись в трагическом сплетении, и алая буква — клеймо порока — непостижимым образом приводит к гибели одних и духовному возвышению других людей.

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения правообладателя.

УДК 82/821-821.161.1
ББК 84(0)
BIC FC
BISAC FIC000000

ISBN 978-5-521-74416-9

© T8RUGRAM, 2018
© ООО «Агентство ФТМ, Лтд.»,
2018
© Перевод. Н. Емельяниковой,
наследники, 2018
© Перевод. Э. Линецкой,
наследники, 2018

ТАМОЖНЯ

Вступительный очерк к роману «Алая буква»

Хотя я и не склонен распространяться о себе и своих делах, сидя у домашнего очага или в кругу друзей, все же, как ни странно, мною дважды овладевал биографический зуд, понуждая обратиться непосредственно к публике. Впервые это случилось года четыре назад, когда без всяких разумных причин, которые мог бы привести в качестве оправдания снисходительный читатель или навязчивый автор, я облагодетельствовал общество описанием своей жизни в нерушимой тишине Старой Усадьбы.¹ И так как мне тогда посчастливилось найти за пределами моего уединенного жилища нескольких слушателей, я теперь снова хватаю публику за пуговицу и делюсь с ней воспоминаниями о моей трехлетней работе в таможне. Никто еще так добросовестно не следовал примеру знаменитого

¹...*Старой Усадьбы*... — Речь идет о сборнике новелл Готорна «Легенды Старой Усадьбы» (1849), в котором автор рассказывает о своей жизни в Конкорде.

«П. П., приходского писца».² Дело, по-видимому, в том, что когда автор отдает на произвол стихий исписанные им листки, он обращается не к тем многочисленным читателям, которые сразу же отложат книгу в сторону или вовсе не возьмут в руки, а к тем немногим, которые поймут ее лучше, чем большинство спутников его юности и зрелых лет. Конечно, некоторые писатели идут куда дальше и позволяют себе пускаться в такие откровенные признания, какие человеку дозволено делать в присутствии лишь одного-единственного, родственного ему по духу и сердцу, существа. Как будто брошенная в шумный мир книга непременно отыщет отделившуюся от автора половинку и соединит его с нею, тем самым восполнив круг его существования! Однако вряд ли пристойно говорить все — даже когда говоришь от третьего лица. И так как мысль съеживается, а язык примерзает к гортани, если у говорящего нет настоящей связи со слушателями, ему простительно воображать, что он беседует с другом, чутким и внимательным, хотя и не слишком близким. От такого приятного сознания наша природная сдержанность от-

² «П. П., приходского писца» — Поль Прай — комический персонаж из комедии «Поль Прай» английского писателя Джона Пула (1786—1872), написанной в 1825 году и часто приписывавшейся Дугласу Джероллу (1803—1857). Этот образ беззастенчиво любопытного сплетника, насильно навязывающего посторонним людям свое общество, получил огромную популярность в XIX веке. Целый ряд писателей избрал имя Поль Прай своим псевдонимом, под этим именем выходили журналы, — оно стало нарицательным, и от него в разговорном языке есть даже производный глагол. Готорн говорит здесь о себе как о навязчивом Поле Прае, рассказ которого, быть может, и не интересен читателю.

таивает, мы принимаемся болтать об окружающем и даже о нас самих, по-прежнему, однако, не приподнимая покрыва над нашим сокровенным «я». Мне думается, что только в такой степени и в таких пределах писатель может быть автобиографичным, не нарушая при этом ни интересов читателя, ни своих собственных.

Кроме того, очерк «Таможня» еще и потому имеет известное право на существование — право, всегда признаваемое литературой, — что в нем я рассказываю, как попали в мои руки многие страницы этой книги, а также привожу доказательства истинности изложенной в ней истории. Таким образом, единственной настоящей причиной моего прямого обращения к публике является желание показать, что я всего лишь редактор, или чуть больше, этой самой многословной из всех напечатанных мною повестей. Я позволил себе, не отклоняясь от основной цели, дать несколькими дополнительными штрихами беглый набросок людей, чей образ жизни до сих пор нигде не был описан. В числе этих людей находился и сам автор.

В моем родном городе Салеме,³ вблизи сооружения, которое еще полвека назад, во времена Кинга Дарби, было шумной пристанью, а теперь превратилось в скопище полуразрушенных деревянных складов и почти не обнаруживает признаков торговой жизни, если не считать брига или барка, выгружающего кожи где-

³Салем — родина Готорна; небольшой город в штате Массачусетс, некогда имевший значение как торговый порт. Прославился в истории знаменитым «ведовским» процессом 1691—1692 годов, когда, в результате религиозного фанатизма и суеверия пуритан, девятнадцать женщин были казнены за «колдовство и связь с дьяволом».

нибудь посреди его меланхолических просторов, или шхуны из Новой Шотландии,⁴ сбрасывающей у выезда в город груз дров, — повторяю, вблизи этой частенько затопляемой приливом обветшалой пристани, где кайма чахлой травы вокруг вытянутых в ряд строений свидетельствует о вялой, поступи десятилетий, стоит поместительное кирпичное здание, выходящее окнами фасада на это не слишком веселое место и на другой берег бухты. На его крыше ежедневно, ровно с половины девятого утра и до полудня, развевается при ветре и вяло свешивается во время затишья флаг республики. Тринадцать полос на нем расположены не горизонтально, а вертикально, указывая тем самым, что правительство дяди Сэма⁵ представлено здесь только гражданскими властями. Балкон над лестницей с широкими гранитными ступенями покоится на деревянных колоннах портика. Вход увенчан огромным экземпляром американского орла⁶ с распростертыми крыльями, щитом перед грудью и, если память мне не изменяет,

⁴*Новая Шотландия* — провинция в Канаде на полуострове того же названия. Административный центр — Галифакс.

⁵*Дядя Сэм* — возникшее в период войны с Англией (1812—1814) шутовское обозначение американского государства. Произошло от служебного сокращения «U. S. Am» (вместо «United States of America»), прочтенного как «Uncle Sam».

⁶*...экземпляр американского орла...* — Герб США изображает орла с распростертыми крыльями, сжимающего в когтях: в одной лапе ветку лавра, в другой — связку из тринадцати стрел. Над головой орла в венке из облаков реют тринадцать звезд, а в клюве орел держит ленту с латинской надписью; «E pluribus unum» (из множества единое). Вся эта символика говорит о факте объединения первых тринадцати штатов, отложившихся от Англии.

пучком молний попеременно с тринадцатью зазубренными стрелами в каждой лапе. С обычной неуравновешенностью характера, свойственной этой злосчастной птице, она своими гневными глазами, клювом и свирепостью осанки словно грозит гибелью безобидному населению городка, особенно предостерегая жителей, которым сколько-нибудь дорого их благополучие, от вторжения в пределы, осененные ее крыльями. Тем не менее немало граждан и сейчас пытаются укрыться под крылом федерального орла, видимо полагая, что, несмотря на его сварливый вид, грудь у него мягка и уютна, как пуховая подушка. Но даже в лучшие минуты он не слишком добродушен и рано или поздно — скорее рано, чем поздно, — отгоняет своих птенцов, предварительно исцарапав их, клюнув или ранив зазубренной стрелой.

Обильная трава в расселинах мостовой вокруг описанного нами здания — с этой минуты мы будем называть его портовой таможней — говорит о том, что за последнее время оно не подвергалось буйному натиску, деловой жизни. Однако в иные месяцы выпадают такие утра, когда дела движутся оживленнее. В этих случаях старожилы могли бы вспомнить о годах перед последней войной с Англией,⁷ когда Салем был настоящим портом, а не таким, как сейчас, презираемым даже местными купцами и судовладельцами, которые не препятствуют его пристаням ветшать и осыпаться, между тем как товары этих купцов бесполезно и незаметно

⁷...перед последней войной с Англией... — Подразумевается англо-американская война 1812—1814 годов.

вливаются в мощный поток нью-йоркской и бостонской торговли. В такие утра, когда несколько судов, большей частью африканских или южноамериканских, одновременно прибывают или готовятся к отплытию, на гранитных ступенях звучат торопливые шаги многих поднимающихся и спускающихся людей. Здесь можно встретить, прежде чем его встретит собственная жена, только что вернувшегося в порт загорелого шкипера, который несет под мышкой облупленную консервную жестянку с судовыми документами. Сюда же приходит судовладелец, веселый или сумрачный, любезный или насупленный, в зависимости от того, какие товары доставлены по его указанию из только что закончившегося плавания, — такие, которые быстро превратятся в золото, или же, напротив, такие, что лягут на плечи хозяина громоздким, никому не нужным грузом. Здесь мы также видим зародыш морщинистого, седобородого, измученного заботой купца в лице молодого расторопного клерка, который входит во вкус торговли, как волчонок — во вкус крови, и уже отправляет собственные товары на хозяйском корабле, хотя ему больше пристало бы пускать кораблики у мельничной запруды. Видим мы на пристани и уходящего в дальнее плавание матроса, которому нужно свидетельство о гражданстве, и другого матроса, только что высадившегося, худого и бледного, ожидающего направления в госпиталь. Не следует забывать и капитанов обветшалых шхун, привозящих дрова из британских владений, — грубоватых моряков, не обладающих внешней живостью янки, но вносящих немаловажную лепту в нашу